

держку правительства. В связи с реквизицией на тыловые работы проявляло недовольство инородческое население губернии. К концу 1916 г. стало очевидным, что, несмотря на разницу социального происхождения и имущественного положения, для значительной части населения губернии стал характерен взгляд на правительство как на противоположный, противоборствующий лагерь. Истоки этого были не только в тяжести войны, но и в неспособности правительства пойти хотя бы на некоторую либерализацию режима. Этим самодержавие лишило себя поддержки и доверия широких слоев населения.

Таким образом, относительное экономическое благополучие не спасло губернию от политических потрясений. Февральская революция была с ликованием встречена в губернии, население которой в надежде на перемены в общественной жизни выразило свою поддержку новому правительству. Однако более стабильное развитие экономики не создавало благоприятной почвы для левого радикализма и распространения идей большевизма, что наложило свой отпечаток на характер политического процесса в регионе в 1917 г.

А. В. Антошин

Февральская революция в Екатеринбурге: вопросы историографии

Революция 1917 г., казалось бы, никогда не относилась к числу тем, обделенных вниманием отечественных историков. Однако события Февраля 1917 г., как известно, долгое время были на периферии интереса уральских (да и не только уральских) исследователей. Так, исторические сочинения 1920-х¹ и 1930-х — начала 1950-х² гг. были посвящены прежде всего Октябрю 1917 г. Февраль воспринимался лишь как прелюдия Октября, буржуазно-демократический этап революции, который сам по себе не представляет специального объекта исследования. Это, однако, не означает, что работы, написанные в те годы, могут быть игнорированы современными историками. В 1920-е гг. советская историческая наука

¹ См.: Воробьев В. Октябрьские дни в Екатеринбурге. – Свердловск, 1927; Баранов А. Октябрь и начало Гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1928; и др.

² См.: Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1947; Юфев Я. С. Трудящиеся Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1951; и др.

переживала период становления, что открывало дополнительные возможности для научного поиска. В те годы еще выходили работы, написанные бывшими деятелями «непролетарских» партий — эсером К. Буревым, меньшевиком П. Мурашевым и др., издавался журнал «Каторга и ссылка», на страницах которого члены Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев могли достаточно откровенно рассказывать о событиях недавней революции, которую они пережили.

Не стоит, на наш взгляд, забывать и о том вкладе, который был внесен в осмысление темы историками 1930-х — начала 1950-х гг. Бесспорно, концепция «Краткого курса истории ВКП(б)» на долгие годы стала обязательным ориентиром для всех советских исследователей. В годы «большого террора» были репрессированы не только бывшие меньшевики и эсеры, но и некоторые активные участники революционных событий в Екатеринбурге из числа старых большевиков (хорошо известна, например, судьба Н. Н. Крестинского). Имена этих людей вычеркивались из исторических сочинений, что искажало реальную картину событий. Однако в эти годы происходил и важный процесс накопления фактического материала. На смену небольшим работам очеркового и мемуарного характера 1920-х гг. пришли капитальные исследования с привлечением большого комплекса архивного материала. Не случаен тот факт, что следующее поколение уральских историков (В. С. Скробов, Н. Н. Попов и др.) активно привлекали, например, материал трудов Г. П. Рычковой.

Бесспорно, важнейшим событием в истории советской исторической науки стал XX съезд КПСС. Не стоит, на наш взгляд, игнорировать заложенный им «потенциал обновления», говоря лишь об ограниченности «оттепели», что зачастую происходит в некоторых современных исследованиях. Обсуждение проблемы культа личности стимулировало интерес многих представителей советской (в том числе уральской) молодежи к исторической проблематике. На страницах «толстых» журналов появились имена старых большевиков, репрессированных в 1930-е гг., были изданы некоторые мемуары бывших деятелей «белой эмиграции», вернувшихся в Советский Союз. Пришедший именно в те годы в историческую науку известный уральский историк В. П. Гуров говорил автору этих строк, что то время было лучшим для исследователей-марксистов в нашей стране.

Во многом именно эта атмосфера научного поиска и сформировала такое своеобразное явление в нашей историографии, как «новое направление». Эта тема уже неоднократно привлека-

ла внимание историографов в последние годы, поэтому мы ограничимся лишь одним замечанием. Не случаен, очевидно, тот факт, что именно из-под пера В. В. Адамова вышла единственная в то время книга, специально посвященная событиям Февраля 1917 г. на Урале¹. Именно один из ведущих представителей вскоре разгромленного научного направления на основе привлечения уральской прессы 1917 г. (причем, прежде всего, «буржуазных» газет — «Уральской жизни» и «Зауральского края», поскольку большевистская печать в дни революции еще не выходила) подробно рассказал о «революции в запечатанном пакете», позиции пермского губернатора Лозины-Лозинского и руководства Екатеринбургской городской думы. Сам факт выхода в свет этой небольшой работы в Средне-Уральском книжном издательстве в 1967 г. говорил о многом. Пожалуй, впервые на Урале Февраль вышел из тени Октября, стал самостоятельным объектом изучения.

Однако бесспорно, что в 1950 — 1980-е гг. в исторической науке на Среднем Урале доминировало иное направление. У истоков его стояли работы крупного уральского историка Ф. П. Быстрых, творчество которого уже привлекало внимание исследователей². В ряде его статей затрагивались события Февральской революции в Екатеринбурге, прежде всего, в связи с деятельностью в городе большевистской организации³. Ученики Ф. П. Быстрых — известные в городе историки Н. Н. Попов, Г. А. Дробышев, М. А. Дашевская и др. в 1970 — 1980-е гг. продолжили исследование данной проблемы. В их работах рассматривалась борьба большевиков Екатеринбурга за влияние в армии, Советах, профсоюзах и фабзавкомах. «Стержневой» для школы Ф. П. Быстрых была марксистско-ленинская концепция революции 1917 г. Более того: в работах Г. А. Дробышева, например, отмечалось, что влияние большевиков в Советах в Пермской губернии росло даже быстрее, чем в целом по стране⁴. Основной заслугой историков, принадлежавших к этой школе, на наш взгляд, было скрупулезное изучение архивных документов и периодической печати Урала 1917 г., накопление исторического материала, который еще долгое время будет востребован исследователями темы. Например, монография Н. Н. Попова

¹ См.: Адамов В. В. Февральская революция на Урале. — Свердловск, 1967.

² См.: Урал в XX веке: экономика и политика. — Екатеринбург, 2001.

³ См.: Быстрых Ф. П. Большевики Урала во главе масс в борьбе за установление власти Советов // Из истории партийных организаций Урала. — Свердловск, 1966.

⁴ См.: Дробышев Г. А. Борьба в Советах Урала по вопросам войны и мира в период двоевластия // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII — начала XX в. — Свердловск, 1987. — С. 143.

была написана на материалах фондов 22 центральных и местных архивов¹.

Характеризуя историографию проблемы той эпохи, нельзя не упомянуть и о работах пермского историка Т. М. Баженовой, которая впервые специально исследовала деятельность Комитетов общественной безопасности (КОБов), земств и других местных органов власти на Урале. На наш взгляд, ее труды закладывали основы для дальнейших исследований по проблемам становления институциональных основ «февральской» политической системы в регионе².

«Перестройка» М. С. Горбачева, несомненно, внесла коррективы в изучение событий Февральской революции. Большой вклад в переосмысление революционных событий 1917 г. в Екатеринбурге внес в те годы Н. Н. Попов, под руководством которого кандидатские диссертации защитили Д. В. Бугров, И. С. Огоновская и ряд других историков города. Плодотворно работала в изучении данной проблемы О. Г. Попова. В работах Н. Н. Попова и его учеников разрабатывались новые сюжеты политической истории Урала, истории политических партий в Екатеринбурге в 1917 г. Гораздо более основательно, чем прежде, изучалась история «непролетарских» партий. Бесспорно, этапным событием стал выход в свет известной книги «37-й на Урале», где вновь прозвучали многие имена старых деятелей революции в городе, ставших жертвами сталинских репрессий.

Однако развитие общественно-политических процессов в стране в итоге привело к распаду Советского Союза. 1990-е гг., на наш взгляд, были противоречивым периодом в историографии революции 1917 г. С одной стороны, Февраль, наконец, окончательно «вышел из тени» Октября. Более того: в целом ряде работ стала разрабатываться идея о том, что именно «мартовский ветер свободы» нес в себе те возможности для демократического развития страны, которые в итоге были упущены. Такая концепция характерна, например, для известной работы Н. Н. Попова и Д. В. Бугрова, ставшей наиболее крупным трудом по проблемам революции 1917 г. на Урале³. Заметим, что в 1990-е гг. именно Н. Н. Попов и его ученики (Д. В. Бугров, О. С. Поршнева, В. В. Московкин, Л. Л. Кучак,

¹ См.: Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. – Саратов, 1983. – С. 9.

² См.: Баженова Т. М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале-октябре 1917 г.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Пермь, 1977.

³ См.: Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. – Екатеринбург, 1997.

М. И. Люхуздаев и др.) наиболее активно исследовали проблемы истории революции 1917 г. в Екатеринбурге и на Урале в целом. В их работах всесторонне исследовалась либерально-демократическая альтернатива в России в 1917 г., позиции различных политических партий по вопросам развития революции. Центральным для большинства исследователей школы Н. Н. Попова был тезис о том, что основной дестабилизирующей силой в регионе были большевистские организации Урала.

Наряду с Н. Н. Поповым в 1990-е гг. следует выделить Г. А. Дробышева, который стал руководителем небольшой группы историков (П. П. Волохин, Ю. М. Ярков и др.), отстаивавшей свою концепцию революционных событий 1917 г. Они не игнорировали новые тенденции в изучении темы, признавали справедливость некоторых идей Н. Н. Попова и его учеников¹. Однако при этом Г. А. Дробышев и его последователи стремились избегать антикоммунистической риторики, сохраняя и приверженность инструментарию, характерному для марксистской методологии истории. В эпоху увлечения либеральными силами их внимание привлекали левые социалисты, которые были на периферии общественного интереса в 1990-е гг. Иначе смотрели они и на вопрос о причинах неудачи «февральской демократии» и ее институтов на местах. Анализируя причину абсентеизма на выборах в земства в 1917 г., Ю. М. Ярков, например, полагал, что не они и другие «буржуазные» структуры, а Советы и подобные им массовые организации трудящихся воспринимались населением как подлинно народные органы власти².

А. Б. Храмцов

Городское самоуправление Тюмени в 1917 г.

Февральская революция 1917 г. активизировала процессы демократизации, становления новых общественно-политических объединений и переустройства действовавших на местах органов самоуправления. Реформа городского управления Временного

¹ См.: Антошин А. В. Проблемы истории революционного и либерального движения в России в творчестве Г. А. Дробышева // Россия и мир: история и историография. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 1. – С. 186–189.

² См.: Ярков Ю. М. Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии (март–октябрь 1917): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 21.